

ЮРИЙ БЕЛИКОВ

БЕРЕГА ЛЕОНАРДА

К 85-летию Леонарда Дмитриевича Постникова

1. УЛОЧКА РУССКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Эта речка вышла из берегов в 1993-м — накануне расстрела Ельциным российского парламента. На вид она смиренная, правда, с “хрипотцой” в голосе, что отразилось в названии — Ар-хи-пов-ка. В своё время Виктор Астафьев лавливал в ней хариусов. Согласитесь, это всё-таки лучше, чем “Ловля пескарей в Грузии”. Хариусы таятся в её ямках и поныне, и, словно храня родовую память о том непредсказуемом разливе, здесь строят свои плотины бобры. А тогда эта тишайшая, заросшая ивняком да ольшаником речушка буквально взъярилась. Затяжные дожди в верховьях, видимо, сделали своё дело, и, вздымая ранним утречком бражные волны, Архиповка выворачивала с корнем прибрежный подрост, подмывая гостиницу, в которой мы в ту пору расположились, приехав с другом к Леонарду Постникову. Гостиница Чусовской детско-юношеской спортивной школы олимпийского резерва “Огонёк”, где директорствовал Леонард Дмитриевич, была сложена из бетонных плит. Разумеется, никто бы не подумал, что под напором воды эти плиты будут складываться, как карточный домик.

Грохот на нижнем этаже! Мы с другом — вниз. Нет одной стены, а по Архиповке прямоком в Чусовую плывёт величественный крейсер дивана, захваченный восставшей природой.

Поднялись на второй этаж. У друга — день рождения. Я приготовил ему дарственную книгу, которая ещё не подписана. Беру авторучку и, взглядывая, как музыкант в ноты, на трещину, бегущую по стене к потолку, подыскиваю нужные слова. Делаю шаг через порог в смежную комнату, чтобы поздравить именинника, и за мной обрушивается наружная стена!.. Отверстие бушующее пространство будто ожидало этой минуты, когда распахнётся занавес, чтобы мы замерли, ошеломлённые, перед творящейся драмой стихии. Аплодисменты волн. Какой театр сравнится?! Вместе с нами на захватывающее действие

БЕЛИКОВ Юрий Александрович — поэт, прозаик, публицист. Родился в 1958 году в городе Чусовом Пермской области. Окончил филологический факультет Пермского государственного университета им. А. М. Горького. В дальнейшем — собкор “Комсомольской правды”, “Трибуны”, спецкор “Труда”. Автор поэтических книг “Пульс птицы”, “Прости, Леонардо!” и “Не такой”. Составитель книги “Приют неизвестных поэтов (Дикороссы)”. Лауреат премии Союза журналистов России и всероссийской литературной премии имени Павла Бажова. Живёт в Перми.

взирают Сергей Есенин и Анна Ахматова – два портрета, волей providения сохранившиеся на частично удержавшейся обшивке рухнувшей комнаты. . .

Во владениях Леонарда они – не единственные. Если бы мы заглянули в его тогдашние, стоящие под горой каменные палаты, то помимо фотографий постниковских воспитанников (а среди них 130 мастеров спорта), чемпионов по горным лыжам и саням – СССР, России, олимпийских игр и мира (последних 7), – мы бы с удивлением обнаружили на стенах портреты Виктора Астафьева, Павла Васильева и Николая Рубцова. Ну, казалось бы, при чём тут спорт и. . . поэзия, литература? Примерно такой же вопрос, только более накалённый, даже шипящий, задавали моему герою разного рода партийные ярыжки, когда на шахматное поле детско-юношеской школы Леонард водрузил ладью – бесприютную часовенку, приглянувшуюся ему в деревеньке Мохнутино. На дворе стоял 1986 год.

– Ты зачем кресты-то не убрал?! Дети смотрят! – в ужасе кричали ярыжки. Однако былые зубры власти, видимо, чувствовали в Леонарде ровню, ценили породу.

– Ну, я надеюсь, ты на этом не остановишься, – говорил ему, озирая кресты часовни, первый секретарь Пермского обкома КПСС Борис Коноплёв, в прошлом крестьянский сын. Постников действительно не остановился. Перевёз на левый берег Архиповки из окрестных сёл-деревень Чусовского района, кроме часовни (сейчас она именуется “Музеем похода Ермака”), дом крестьянина-промысловика с подворьем, подлинную торговую лавку, старинную кузницу с кожаными мехами, коими раздувают горн, пожарную каланчу, охотничье становье. . . И не просто перевёз, а наполнил дыханием – колокольным да кузнечным звоном, гоготом гусей, петушиными криками, лошадиным ржанием, треском поленьев в глинобитной печи, прялками-маслобойками-зыбками, самоварами-горшками-часами, строгими фотокарточками крестьянских лиц – от безвестных до узнаваемых, как семьи Есениных и Чапаевых.

Так возник среди леса и гор уральский град Китеж, государство Леонарда Постникова. Государство в государстве. Сперва в государстве коммунистов, а затем – демократов. Если хотите, – улочка русского сопротивления, где давно решён “неразрешённый вопрос”. Достаточно ознакомиться только с одним этим постниковским указом, размещённым у входа в каждый из её домов: “Уважаемые посетители! Мы приветствуем русские песни и классические мелодии. Но, к сожалению, встречаются любители “музыки” с рывающими звуками в грохочущем головодробительном ритме работающей пилорамы. Подобная псевдомузыка на территории нашего этнографического парка недопустима”.

А назрел этот указ сразу после памятного наводнения, когда распоясавшаяся Архиповка разделила прилегающую округу на два берега – левый и правый, хотя и раньше эти берега не могли по определению не существовать, только вот никто оные не числил противоположными. Однако теперь на левом оказался уральский град Китеж, а на правом – горнолыжный спуск и санная трасса. Но хуже всего – граница прошла по сердцу Леонарда. Во-первых, его обвинили в “бездействии во время разгула природной стихии” (как очевидец и участник тех событий, могу засвидетельствовать, что в то воскресное утро, когда речка рушила каменные дома, когда куда-то звонить и ждать помощи было бессмысленно, Леонард Дмитриевич и мы сделали всё, чтобы спасти оставшуюся утварь и укрепить берег). Во-вторых, Постникову предал любимый ученик – главный тренер Иван Иванов, которого Леонард готовил в свои преемники. Оболгал учителя перед вышестоящим начальством, чтобы занять кресло директора школы олимпийского резерва. И начал глушить со своего правого берега колокола левого снарядами тяжёлого рока, запускаяемого через динамики, – тем самым “ритмом работающей пилорамы”. Вот тогда-то Леонард окончательно перешёл на левобережье, откуда отвечал правому берегу прицельными очередями песен Татьяны Петровой, Дмитрия Хворостовского и Бориса Штоколова.

2. ЗАПЛЫВ ЧЕРЕЗ МЁРТВУЮ ВОДУ

Постниковы объявились на берегах Архиповки более полувека назад. До той поры Аринина гора, венчавшая эти места шапкой нетронутого леса, а ныне слепающая снежной белизной лыжного спуска, быть может, запечатле-

лась только в следопытской памяти безвестных чусовских мужичков, наведывавшихся в гости к отзывчивой на ласку Арине (отсюда – и Аринина гора), да проходившего в начале прошлого века по шпалам здешней чугунки юного Александра Грина, которого тут ссадили с поезда за безбилетный проезд, да записного таёжника Витьки Астафьева, тогда ещё автора “Васюткина озера”. Постниковы – это он, Леонард Дмитриевич, основатель спортшколы “Огонёк” и парка истории реки Чусовой, его супруга и завуч школы, заслуженный работник физической культуры РСФСР Зоя Михайловна (ныне покойная), их сын Владислав, старший тренер по горным лыжам олимпийской сборной страны (ныне покойный), их дочь Ольга, первая в 80-х годах мастер спорта по саням (теперь – продолжательница дела отца и директор этнографического парка), внук Никита (сын Ольги), чемпион России по фристайлу.

Я когда-то спросил Постникова, как в нём, спортсмене до мозга костей, могло зародиться то, что впоследствии выстроилось в цепочку деревянных чудес уральского града Китежа? И откуда его тяга к изящным искусствам – музыке, живописи и литературе?

– Я – из глубоко крестьянской семьи, – ответил мне Леонард. – Хотя быт этот впитывал в сельской Нердве всего лишь лет до трёх, потому что папа мой быстро пошёл по партийной линии. Но впитанное во младенчестве, видимо, в нужный срок включилось в некую программу. А в отце было действительно что-то уникальное, если в области нашей не нашли ничего лучше, как поставить крестьянского парня директором Пермского театра оперы и балета! Таким образом, отец был одним из первых красных директоров храма Мельпомены. У меня память дырявая, а вот сестра моя рассказывала, как мы жили в центре Перми в доме, где раньше располагалась губернская библиотека, в которой якобы бывал главный пастернаковский герой из “Доктора Живаго”. Так вот, если тот перенесён туда по художественной надобе, то мы в этом доме в начале 30-х годов, представь себе, жили. Нижние пять окон – наши. И сестра вспоминала, как я, приехав в этот дом с бабушкой, посмотрел и сказал: “Бабушка, мне в этом доме не нравится, запрягай лошадь – поехали обратно!”

Вот он и поехал обратно – к улочке русского сопротивления. Но прежде чем Леонард её достиг, многое пришлось пережить, перечувствовать и передумать. Из памяти не выветривается эпизод, как в поисках ждущей укрытища уральской старины мы прибыли с Постниковым в Успенку – деревушку на крутом берегу Чусовой. Сверху был виден островок, поплёскивающий чешуёй пробок из-под одеколona – свидетельство былых рыбацких бдений. Бдений страшноватых, поелику островок этот – отсыревший ломоть огромного каравая, Нижне-Чусовского городка, из коего и отправился Ермак Тимофеевич со товарищи на Сибирь. А каравай съеден великим затоплением времён Камской ГЭС. До сих пор кости предков вымывает. Потомки же сидят, раскинув донки, и “пьют из черепа отца”.

В дорожной колее, среди грив засохшей грязи, наткнулись мы на белый мрамор. Два вывороченных надгробья были брошены кем-то под колёса, чтобы не буксовала машина. Само собой, не “Мерседес”, а, судя по крупному протектору, грузовая. Стало быть, местные. А ежели не местные, выходит, всё позволено? А местным что, наплевать?

Мрамор прочитывался: “Никифор Гашев. Почил в 1910-м” и “Диакон Иоанн Попов, 1911-й год”. На одном из памятников высечено: “Мой холод и мрак могильный согрейте любовью сердца”.

Подтянули мы с Леонардом эти надгробья в кузов нашего грузовика и задумались насчёт “любви сердца”. Донимала жара.

– Сейчас бы молочка холодненького! – выдохнул Постников.

Подошли к ближайшему дому, где у какого-то ржавого, вынырнувшего из-под земли и сочащегося водопроводного змеевика забронзовел бор, уткнув пятак в лужу. Кликнули хозяйку.

– Молочком не угостите?

– Нету молока!

– Тогда водицы...

– Вон водица! – указала хозяйка на змеевик. – Пейте...

Дабы унять досаду, выпили мы с Леонардом две запасённых бутылки родимой, глядя с уральской кручи на жалкий лишай островка, оплетённого мёртвой водой. И вдруг Леонард поднялся во весь свой двухметровый рост и хрипло бросил через плечо:

– Ну, я поплыл!..

И – съехал с неимоверной крутизны, как на саночках. Я – за ним. Гляжу, а он (всё-таки бывший спортсмен-пловец!) кромсает телом тяжёлую, плохо гнущуюся воду. Зачем плывёт?.. Неведомо. Словно тянет его мощный магнит островка. Может, тянет затем, чтобы на всю оставшуюся жизнь закалить этими глухими водами отчаяния, под которыми – чешуйчатое чудо деревянного кремля, неотпетые избы, кузницы-утопленницы, спёртый ужас подводного кладбища?..

Страшно плыть через такую реку. Я бы всех радетелей наших – от депутатов до президента, допрежь их предвыборного соискательства, окунал в эту тёмную купель прозрения, дабы помнили, откуда они родом, и худших бед не натворили!..

А Леонард, достигнув островка, но не выходя из воды, положил седую голову на торчащий из реки камень-одиноц, точно на подушку, и задремал, окружаемый серебром мелкой рыбёшки...

Потом уже иеромонах отец Савватий, подвижник ближнего монастыря, узнав о великом постниковском заплыве, поведает, что Постников, сам того не зная, повторил подвиг святоборца Тихона Вятского, какового пять веков назад Строгановы, облыжно обвинив в поджоге, сбросили прямёхонько с оной кручи, с коей ныне сверзился Леонард. Тогда, как гласит предание, живой и невредимый Трифон встал на камень, выглянувший из воды, и пристально взирая снизу вверх на своих обидчиков, поплыл на нём, как на лодии...

Мытые-перемытые косточки русских людей и два найденных мраморных памятника Постников перевёз в свой парк истории реки Чусовой. Подле храма святого Георгия нашли приют сирые надгробья, а взбаламученный прах (помните философа Николая Фёдоров и его главную мысль о собириании праха предков?) тут же, рядом с поруганным мрамором, предал Леонард земле. Жителям канувшего в Лету Нижне-Чусовского городка знак памятный установил.

3. ЛЕОНИД, СОРАТНИК ЛЕОНАРДА

По другую сторону храма – ещё один знак. Прекрасный своей грубостью камень-известняк, перевитый колючей проволокой, специально выкованной и укрупнённой под стать камню. На камне – буквы, выстраивающиеся в стихотворный метр: “Заблудилась душа моя в звёздах. / Закричал я во сне и проснулся. / Поздно жизнь мне менять, но не поздно / Лба холодным трёхперстьем коснуться. / Обратись свои очи к востоку, / Вспомнить восемь стихов от Матфея / И предаться слезам и восторгу, / Перед словом Господним немая”. Ниже значится: “Эти строки были выцарапаны на крышке бетонного стола в штрафном изоляторе пермской политзоны № 36 писателем Львом Тимофеевым”.

Чусовая – река-ловушка. Ермаку она была сопроводительница, Мамину-Сибиряку – красной девицей. А вот братьев Твардовских, бежавших из ссылки, изловили не где-нибудь, а в городе Чусовом. Главный редактор благоденческой газеты “Русский берег”, сподвижник Александра Вампилова, автор щемящих рассказов Борис Черных проходил до этого “стажировку” на берегу всё той же Чусовой, до которой, оказывается, было рукой подать из 36-й политзоны. Оттого и замыслил Постников возвести “Музей писательских судеб”, где в магическом кристалле реки Чусовой отразилась бы текущая истина её истории. Прижизненными экспонатами этого музея стали и Виктор Астафьев, написавший в вахтенном журнале здешнего колбасного завода свой первый рассказ “Гражданский человек”, и отбывавший тут раннюю авантюрную юность поэт Юрий Влодов, запустивший в народ долгоиграющее двустиие “Прошла Зима. Настало Лето. Спасибо Партии за это”, и многие другие крылато-едкие строки, и божедумный литературный критик Валентин Курбатов, будучи старшекласником, подбиравший (как рассказывал Астафьев) чинарики у чусовского железнодорожного переезда, и главный редактор журнала “Москва”, мужественно-нежный прозаик Леонид Бородин, создатель романтической повести “Женщина в море” и провидческой “Царицы смуты”, которую он начал писать в бараке особого режима на берегу всё той же реки.

В минувшем мае, несмотря на мучившие его боли в позвоночнике, он успел пройти по улочке русского сопротивления. Эта улочка совпала с его душою, о чём Леонид Иванович, в противовес увиденному ранее, по дороге, написал в очерке “Пермь в осаде”, вышедшем в девятом номере его журнала за

2011 год. Мало того, что у обоих – Бородина и Постникова – практически совпали имена (в обиходе Леонарда нередко кличут Леонидом), так ещё и дни рождений пришлись на 14 апреля – у того и у другого. Бородин не мог не восхититься: “Для меня этот человек, Леонард Дмитриевич Постников, истинный герой, заслуживающий в несоизмеримо большей степени правительственных наград, что раздаются ныне кому ни попадя... Признаюсь, на какой-то момент мне стало жаль свою жизнь... Показалось: встретиться я с этим человеком в своей молодости, стал бы его верным соратником до гроба, мыкался бы с ним по всяким инстанциям в выбивании санкций и денег, в меру физических сил сам бы возводил избы и храмы, строил бы шлюп с алыми парусами в честь пермского земляка Александра Грина, подтаскивал материалы скульптору к памятнику Ермаку...”

Здесь же, в одном из домиков уральского града Китежа, протекал и наш с Бородиным вечерний разговор – под диктофон, возможно, один из последних в жизни писателя. Бывший узник “Перми-36”, единственный русский на весь барак особого режима, до того как приехать к Леонарду, почти через четверть века после освобождения посетил места своего бывшего узилища, где сегодня создан мемориальный центр истории тоталитаризма. Здесь каждое лето проходит не то фестиваль, не то форум “Пилорама” с участием заезжих рокеров, бардов, сатириков, митьков, забугорных консулов, демократических краснобаев, токующих на фоне надувания пляжных матрасов, барражирующих купальников и плавок, визга плещущихся в речке, подогретых несметным количеством водки и пива. Вот тогда-то Леонид Иванович сокрушённо вздохнул:

– Грустно слышать о том, что наша зона превращается в рок-концерты и смехопредставления на костях!

А по поводу выступления в бывшей политзоне Виктора Шендеровича и прочих кадровых смещистов выдал:

– Даже в кошмарном сне такого не представлял. Как я погляжу, они тут себе турбазу устроили?!

Общение с Бородиным, его бескомпромиссный текст “Пермь в осаде” и реплика, брошенная во время гощения у Постникова насчёт сидельцев политзоны, националистов из республик СССР: “Да они только и мечтали о том, чтобы развалить страну!”, не могли не повлиять на... художественное отношение Леонарда к “Перми-36” и фестивалю-форуму “Пилорама”.

Все экспозиции в “Музее писательских судеб” – дело рук самого Постникова. Однажды он поручил музейную переустановку дипломированным специалистами. Те усердствовали, пытели, развешивали, но пришёл Леонард, глянул – и всё заново переиначил. Сам себе редактор, художник и дизайнер. Но сие не означает, что ежели Постников чего-то в музее разместил, то это намертво. Нет, с течением времени и отзываясь на оное, музей меняется в данном ему пространстве, стиснутом размерами небольшого дощатого домика. Недавно я в этом лишний раз убедился.

“Стена Бородина” дополнилась любопытной авторской композицией основателя этнографического парка. Искусствоведы нарекли бы это инсталляцией: деревянная кисть руки с вытатуированным на ней американским флагом, держащая за двоящую зубчатую пилу, которая занесена над контуром... советской Империи. И – строки пермского поэта Александра Зубкова:

*Ночь. Пилорамы вздыбленные звенья,
Крест-накрест расчертившие луну.
Здесь закалялась воля поколенья,
Готового распиливать страну.*

Бородин был одним из немногих, кто не распиливал. Сколько мог, он вынашивал и сберегал Россию в собственном сердце. Пока оно не разорвалось. Очевидно, он об этом знал, потому что несколько раз повторил, имея в виду нашу личную с ним договорённость:

– Успевайте!..

Леонид Иванович, здесь, на чусовской земле, где вам пришлось умирать и выжить, вас помнит улочка русского сопротивления, как помнят вас в разных концах России другие улочки и улицы, одна из которых – пробыёт сей взвешенный час! – будет названа улицей Леонида Бородина. И она непременно пересечётся с улицей Леонарда Постникова.

4. ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОЙ УЛИТКИ

Если небо не подёрнуто облаками и моросью, округа, где затаилась постниковская улочка, напоминает вечерами царскую корону. Внизу, в ложбине, обнесённой лесистыми горами, уже – лёгкий кисель сумерек, а поверху – окружно высвеченные нижайшим солнцем – хвойные зубцы. И тишь. Последний автобус увёз в город всех – правобережных и левобережных, и Леонард остаётся наедине со своими думами и лесом. Так – уже пятьдесят пять лет. Так – каждый вечер. Иногда смолкшее пространство опояшет громяющая поступь поезда, но она только подчеркнёт отворившуюся тишину, которую изредка помешивают серебряной ложечкой невидимые птицы.

О чём думает Леонард? Трудно подслушать думы. Они, как правило, не проговариваются, а если и проговариваются, то – между прочим. Расспросы, тем более – воспалённый зрачок диктофона вспугнут их, как лодочный мотор – тайменя. Думы нельзя подслушать, но их можно подсмотреть. Однажды я увидел быстрый слепок постниковских дум – тяжкая рыбина вдруг выдала “свечу”, задохнувшись сопредельной средой. Пристальный книгочей, многолетний подписчик журналов “Москва” и “Наш современник”, знаток отечественной поэзии, Леонард попытался прочесть вслух одно из стихотворений Юрия Кузнецова. Как бывший спортсмен, он “взял” его только с третьей попытки.

*За бортом плывёт морская карта
И горит Полярная звезда.
Адмирал, горит твоя эскадра!
Крейсер твой уходит навсегда.
Раскачалось Лихо на просторе,
Раскричались чайки на беду.
Русский флаг уходит в сине море
Прямо на Полярную звезду.
На Руси горит морская карта.
На Москве опять переворот.
Адмирал, горит твоя эскадра!
Адмирал и ухом не ведёт.
На груди Андреевского флага
Круто завязался узелок.
Адмирал, горит твоя присяга!
Адмирал берёт под козырёк.
Догорай, гори, моя присяга.
Догорай, гори, моя звезда!
Под крестом Андреевского флага
Честь уходит в море навсегда.*

Доходя до середины стихотворения, голос Леонарда пресекался, заволакивался щиплющей слабиной, и Постникову необходимо было сделать большое усилие, чтобы подняться на ступеньку следующей строчки, однако тут его подждал новый пережлёт волны, и на словах “Адмирал, горит твоя эскадра!” Леонард Дмитриевич уже не мог сдерживать нахлынувших слёз. Мужские слёзы горше женских. Не приведи вам, Господи, подсмотреть, как плачут русские мужики!.. Впрочем, один из героев “Повести для своих” Владимира Крупина по прозвищу Нострадамус заметил: “Вот когда мужчины начнут трезвыми плакать, рыдать, тогда и спасёмся”. Леонард же читал кузнецовское стихотворение абсолютно трезвым.

Ох, и не просто быть государством в государстве! С одной стороны, когда в том государстве, которое располагается за пределами улочки русского сопротивления, наступает время “Ч” и, предположим, требуется предвыборная поддержка в лице заслуженного работника культуры России, лауреата Строгановской премии и почётного гражданина города Чусового Леонарда Дмитриевича Постникова, столпы этого государства едут к нему на поклон. С дарами. С другой стороны, когда основателю этнографического парка необходима помощь граничащего с ним большого соседа, те же самые столпы становятся вёртками, точно ужи, и заслоняются единственно возможной фразой: “Нет денег!” Однажды Леонард даже пошёл к Хафизу (разумеется, речь

не о персидском поэте, а о местном авторитете, без которого в этом городе никогда и ничего не решалось). Увидев Постникова, тот взбледнул:

– Не поверишь, самому на проезд в автобусе не хватает!

Временами архиповскому старцу надоедает быть мальчиком на побегушках, и он, чтобы не взорваться и не послать всех на хутор бабочек ловить, начинает, как мальчик, прикалываться. Встречает незваных гостей в прикиде эдакого великовозрастного Мальчиша-Кибальчиша: в трусах и в замызганной будёновке. Ведёт “экскурсантов” в крестьянский дом, а там уже – семеро по лавкам: Танюша, Катюша с пятилетним Ванюшей да я, Юраша. Вроде бы как семейство. Танюша с Катюшей (а ещё Валюша, а ещё Ириша) приезжают сюда на этюды. Художницы из мастерской пермского живописца Евгения Широкова мигом перевоплощаются, подыгрывая Постникову. Танюша покрывает голову цветастым платком с кистями, берёт в руки музейную гармонь-двухрядку. Катюша качает ребячью зыбку, Ванюша вертит деревянную трещотку, с коими бродили раньше по околоткам сторожа. Я смотрю на “мутноватую четверть”, обманно водружённую посередь хозяйского стола вкупе с подлинной головкой перламутрового лука. Леонард поясняет вошедшим:

– Во-от, здесь-то они и живут! У этой девчушки, – показывает он на Танюшу, – шесть классов образования. А Катя в восьмом классе уже родила, дальше учиться не стала. А этот одуловатенький, – кивает Леонард в мою сторону, – тутошний пастух. Девоч, стало быть, пасёт. . .

Гости принимают всё за чистую монету; а одна из прибывших дам, окидывая цепким, начальствующим взглядом космос русской избы, издаёт суровый вздох:

– Маркетинга вам тут не хватает!

– Мы и слов-то таких не знаем! – усекает глагол Танюша.

Гости довольны, мы – тоже.

После их благополучного исхода, включив запряженный за сундук магнитофон с кассетой народных песен, мы пускаемся в смешливый пляс. Я – в снятом с кованого гвоздя тулупе из овчины и лисьей шапке-ушанке. Девушки – в шляхах с каймой. Половики сбурованы, пол ходуном ходит. Ловлю себя на мысли, что этот дом давно не знавал веселья. Сколько? Лет семьдесят? Восемьдесят? Он же был брошен хозяевами. Или, точнее, хозяев принудили его бросить. Помните знаменитого “коренника” Павла Васильева? “Он ухом водит, будто слышит, как рядом в горне бьют хозяев”. А излажен дом, судя по всему, ещё в конце позапрошлого столетия. Конечно, и прялки в доме, и светцы для лучины, и берестяные туески, и кадушки, зыбка, прикрепленная к потолку на гнущейся, убаюкивающей палке, коврик с лебедями, тронутые ржавчиной зеркала, чёрно-белые фотокарточки по стенам, – из разных деревень, из разных изб, но все они – оттуда, из далёкого прошлого, их изготовили, к ним прикасались, стирали с них пыль, их любили. . . Я вдруг почти физически ощутил всю неизречённую боль вещей, почувствовал, как они тоскуют по хозяевам.

Но нам-то, городским, отчего так легко в крестьянском доме? Может быть, Россия – та самая улитка из детской зазывалки, когда приговаривали: “Улитка, улитка, высуну рога, дам тебе, улитка, кусочек пирога. . .”? Приговаривали-приговаривали – и приговорили. . . Выползла улитка за кусочком пирога и теперь – ни кусочка, ни домика? Может, наши ряженные предошущения – случайное или неслучайное возвращение улитки к себе домой, совпадение покинутой раковины и блудного тельца?

Как-то Леонард попросил девчонок расписать в крестьянском доме красками глинобитную печь. Они засомневались: мог ли крестьянин средней руки позволить себе подобное “баловство”?

– Я ведь не убогость России хочу показать, а её красоту, – молвил Постников.

В этой как бы ненароком сверкнувшей фразе – главный смысл его этнографического парка. Леонард стремится вызвать из небытия красоту, которая ушла, но из которой уходить не хочется.

Среди многочисленных паломников левого берега Архиповки я встретил одного чудесного странника. Войдя в старинную сельскую лавку, наполненную дореволюционными самоварами и часами, он с каким-то нечаемым наслаждением начал вдыхать её “могильно-золотой” (Иван Бунин) воздух и, когда ему намекнули, что пора, мол, из лавки ретироваться, сомнамбулически отмахнулся:

– Никуда я отсюда не пойду!

И так со всеми гостями-визитёрами государства в государстве. Там, во внешнем государстве, они, быть может, и руки бы друг другу не подали, унося в зобах негодование при встрече, но здесь, в государстве Леонарда, происходит нечто такое, что обращает самолюбие в братство, гордыню в детскость, “мировую известность” – в растворение в космосе русской избы и природы. Пусть не надолго, пусть хотя бы на время пребывания в государстве государства. Но вот уже актёр Зиновий Гердт выводит на стене постниковского кабинета: “Восхищён, изумлён, ничего подобного в смысле воспарения души никогда не встречал!” А поэт Евгений Евтушенко признаётся: “Здесь, на земле Леонарда, я себя чувствую русским!” А прозаик Виктор Астафьев вручает хозяину этих мест собственную книгу с надписью: “Леонарду Постникову – патриоту-чусовлянину от енисейского налима поклон и благодарение за всё то доброе, что он делает для людей и истории нашей разграбленной и исковерканной...” А певица Татьяна Петрова вспоминает: “Когда бываешь у Леонарда Дмитриевича, ощущаешь себя такой сильной!.. И, самое главное, ты чувствуешь себя дома! Дома я!”

Однажды на 136-м километре, где располагается этнографический парк, высадили за безбилетный проезд одного неизвестного. Он вышел, огляделся. Вокруг – сугробы, а из них часовни высятся. Неизвестный постучался в дом, но дверь оказалась незапертой. Человек вошёл в комнату, обставленную старинной на вид купеческой мебелью. Поднялся на второй этаж. Там горел камин. Человек присел у камина и стал греться. Наконец показался хозяин – высокий, седобородый, в художническом берете. “Где я?!” – округлив глаза, спросил его незнакомец.

Единственно возможный ответ возникает сам собой: “На Родине”.